

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИИ МИФИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Чжан Цзыжуй

аспирант, Столичный педагогический университет,
(г. Пекин, КНР)
18800132860@163.com

Цзоу Тяньци

старший преподаватель, Хэбэйский педагогический
университет, (г. Шицзячжуан, КНР)
tianqizou@yandex.ru

A HISTORICAL-CULTURAL AND LINGUOCULTUROLOGICAL STUDY OF THE NAMING OF MYTHICAL CHARACTERS IN RUSSIAN FAIRY TALES AS A REFLECTION OF THE NATIONAL WORLDVIEW

**Zhang Zirui
Zou Tianqi**

Summary: The Russian folk tale is not merely a “memory” of the people about themselves, their social, spiritual, and religious history, transmitted from the past; it also embodies conceptions of an ideal reality that are genetically linked to national culture. The nominations of mythical characters carry rich cultural connotations. This article formulates methodological principles for analyzing the cultural connotations of the naming of certain mythical characters (both positive and negative) in Russian fairy tales and their plotlines, from the perspective of historical and religious factors reflected in them, generalized features of Russian self-consciousness and character, as well as the use of these character nominations in the modern Russian linguistic sphere. The relevance of the study's conclusions lies in the necessity of returning to the key elements of the national worldview in today's Russian linguocultural community, considered from ethical, aesthetic, behavioral, and worldview perspectives.

Keywords: Russian fairy tale, nomination of mythical characters, cultural connotation, mentality, Orthodoxy, Russian linguocultural community, national self-consciousness.

Аннотация: Русская народная сказка – не просто дошедшее из прошлого «воспоминание» народа о самом себе, своей социальной, духовной, религиозной истории; сказка – это и представления об идеальной действительности, генетически связанные с национальной культурой. В номинациях мифических персонажей присутствуют богатые культурные коннотации. Цель и задачи статьи – сформулировать методологические основания для анализа культурных коннотаций номинации некоторых мифических персонажей (положительных и отрицательных) из русских волшебных сказок, их сюжетных линий с позиций проявленности в них исторических и религиозных факторов, обобщённых характеристик русского самосознания и характера, а также использования номинаций этих персонажей в современной русской языковой среде. Актуальность выводов исследования обусловлена потребностью возвращения современной русской лингвокультурологической общности в существующих политических и социально-культурных реалиях к нравственным, эстетическим и традиционно-народным критериям повседневного поведения и мироощущения.

Ключевые слова: русская волшебная сказка, номинация мифических персонажей, культурная коннотация, менталитет, православие, национальное самосознание.

Введение

Номинация мифических персонажей в русских народных сказках обладает чёткой структурой, что играет важную роль в создании их образов и формировании эмоциональной оценки рассказчика. Кроме того, номинация мифических персонажей в русских народных сказках невозможна без выявления определённых культурных коннотаций. Некоторые из них стали прецедентными и часто встречаются в пословицах, поговорках, литературных произведениях и в речевом общении. На формирование номинации персонажей и их культурных подтекстов влияют такие факторы, как национальный характер, вероисповедание и менталитет народа. Наше исследование сосредоточено на описании структуры и

функций номинации персонажей с позиции их культурной коннотации и факторов, которые на них влияют.

Как положительные, так и отрицательные персонажи в русских народных сказках обладают своими уникальными чертами. Некоторые имена этих персонажей, постепенно аккумулируя в себе определённые культурные коннотации, стали не просто часто употребляемыми носителями русской культуры, но и составили значимую часть языковой картины мира русской культурной общности.

Основные результаты

Традиционно герои русских народных сказок (образов-типов, по определению Ф. Ленца [1]), воплощая

в себе либо положительные душевные качества и добрые устремления, либо не очень достойные и нравственные черты, символизируют своим поведением и поступками некий обобщённый принцип, идеал, систему нравственных ценностей и смыслов русского культурного пространства.

Исследователи русской волшебной сказки (В.Я. Пропп, В.П. Аникин, А.Н. Афанасьев, Э.В. Померанцева, А.С. Кочарян и Е.В. Фролова и др.) среди типичных мужских образов положительного героя выделяют Ивана (с различными вариантами прозвищ), а среди женских — Василису Премудрую (ещё вариант номинации — Василису Прекрасную). Для нас анализ номинаций этих положительных персонажей с позиций культурных коннотаций, содержащихся в них, демонстрирует объективность методологических принципов при исследовании значения именований положительных персонажей как таковых.

В характере сказочного Ивана соединяются диаметрально противоположные черты: мудрость и глупость, свободолюбие и зависимость, подчинение и своеволие, доброта и злость, решимость и нерешительность. В народных сказках этот герой, поначалу нелепый, со странным поведением, в конце концов, благодаря своей твёрдости, упорству, смекалке и доброте, достойно проходит испытания и добивается успеха. Сочетание противоположных качеств делает этот образ реалистичным, схожим с поведением русского человека и выявляет противоречивую культурную нагрузку его номинации.

Подобное содержание номинации мифического персонажа «Иван» поддерживается русскими пословицами и поговорками. Часть из них подчёркивают простоватость, бесхитрость и глуповатость образа: «Василиса прекрасная вышла замуж за Ивана и стала Василиса дура»; «Иван болван, молоко болтал, да не выболтал, жене отдал, жена пролила, бычка родила, бык свистнул, за курами тряснул, куры летают, головы ломают, Иван подбирает» и др. [2]; другая часть, характеризуя насмешливое отношение народа к образу Ивана, в целом наполнены искренней добротой и ожиданием его преображения: «Я говорю про Ивана, а ты про болвана», «С именем — Иван, а без имени — болван» [2]; третья часть — это примеры с конкретной положительной оценкой образа Ивана: «Дядя Иван — и людям, и нам», «Богат Иван — богат и пан», «Велика Федора, да дура, а Иван мал, да удал». [2].

Номинация «Василиса Прекрасная (Премудрая)» — воплощение красоты, доброты и мудрости русских женщин. Имя «Василиса» имеет греческое происхождение и обозначает «царственная», что намекает на некую избранность, однако в русском фольклоре этот женский образ проявляет себя через заботу о близких, сердечность,

умение находить выход из самых сложных ситуаций. По сравнению с номинацией «Иван», номинация «Василиса Прекрасная» не так часто используется в пословицах; мы нашли у В.И. Даля лишь одну — «Постоянная дама Варвара, с поволокою глаза; Василиса — кислый квас» [2].

Имя Василиса Прекрасная встречается и в авторских произведениях художественной литературы. Например, в поучительной сказке Василия Шукшина «И разыгрались же кони в поле» [4], где номинация Василиса Прекрасная используется как имя нарицательное. Здесь оно содержит определённый сатирический оттенок — одна сторона диалога себя именует себя Василисой Прекрасной, подразумевая совершенную нереальность ситуации и намекая на ошибку другой стороны диалога. Употребление номинации «Василиса Прекрасная» в этом случае не поддерживает её положительную коннотацию.

Среди ключевых отрицательных персонажей сказок самыми яркими называют Баба-Ягу и Кощея Бессмертного.

Этимология образа Бабы-Яги подробно описана у А.А. Потебни в работе «О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий» [5, с. 85-232.] В.Я. Пропп выделял три формы Яги в русской сказке: яга-дарительница, яга-похитительница и яга-воительница. [6, с. 36.] В.И. Даль зафиксировал об этом персонаже такие пословицы: «Чтоб тебя баба-яга в ступе прокатила!», «Баба-яга, вилами нога, весь мир кормит, сама голодна» [2], толкование которых отражают отрицательную эмоциональную оценку народа по отношению к нему.

В разговорной речи русских людей слово «Баба-Яга» стало символом уродливых и ворчливых женщин и сохраняет определённую эмоциональную окраску: «У палисадника на лавочке сидит Пелагея Кузнецова, древняя горбатая старуха, вся в чёрном, злая и страшная, как баба-яга (В. Рыбин. «Попа-гонялы»)» [7].

Происхождение имени «Кощей» часто связывают со словами «кость» и «смерть». Лингвострановедческий словарь «Россия» Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина приводит современный, метафорический, вариант подобного толкования имени «Кощей Бессмертный»: «В разговорной речи Кошеем иногда в шутку называют очень худого или очень скупого человека, обычно немолодого» [9]. У В.И. Даля встречаем лишь одну пословицу с упоминанием слова «Кощей»: «Свет Кощей, господин Кощей: сто людей кормил, гулять ходил, головку сломил; кости выкинули, псы не понюхали». [2] В народной сказке Кощей Бессмертный действует, как страшный, злой и безжалостный персонаж. Кроме Ивана-Царевича никто не знает, где находится смерть Кощей. Иногда в сказке Кощей возникает на пару с Бабой-Ягой и действует как её антипод. В этом случае проблемы, созданные Кошеем

Бессмертным, решаются героями с помощью Бабы-Яги. [10, с. 134-135; 10, с. 24-36]

Помимо народных сказок, имя Кощея часто встречается и в авторских художественных произведениях. Например, у Александра Сергеевича Пушкина в поэме «Руслан и Людмила» с помощью образов Яги и Кощея Пушкин воссоздаётся мир волшебной русской сказки:

«Там ступа с Бабою-Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!» [12, с. 8].

Александр Вельтман также привносит в свой роман «Кощей бессмертный. Былина старого времени» (1833) элементы русского народного фольклора, в том числе номинацию «Кощей Бессмертный». Хотя сам персонаж появляется лишь во второй главе романа, но его характеристики можно обнаружить в других персонажах. Образ Кощея в произведении Вельтмана собирательный – он объединяет и былинных богатырей, и сказочную нечисть. Безусловно, присутствие мифических персонажей делает повествование более образным, колоритным. [13, с. 108-112]

Анализ примеров использования номинации сказочных героев в современном русском языке помогают определить их функциональные нагрузки:

1. Эмоционально-оценочная функция.
Некоторые имена мифических персонажей уже стали прецедентными, действующими в современном русском языке в качестве важного способа выражения эмоциональной оценки. Прецедентные имена придают тексту или разговору динамичность и образность. Они дают возможность читателю и собеседнику выстраивать ассоциации с соответствующими культурными коннотациями. Такая ассоциация является относительно стабильной и не опирается на другие языковые средства.
2. Наименования сказочных образов не просто решают художественные задачи, они имеют прагматическое значение. У русского народа своя языковая картина мира, и в именах персонажей запечатлеваются не просто яркие черты героев, а аккумулируются определённые нравственные качества и ценности. Например, сегодня номинация «Баба-Яга» сохраняет отрицательный контекст не только в отношении героини сказок, но и при описании обычной некрасивой и злой женщины, внешностью и поступкам напоминающей Бабу-Ягу. [14, с. 453-458]
3. Имена мифических персонажей в русской народной сказке имеют и эстетическое содержание, которое рассматривается как художественная оценка образа. Эстетическое наполнение привлекает слушателей необычными языковыми средствами.

Прецедентные имена часто выполняют роль метафоры: Василиса Прекрасная – символ красоты, доброты, женственности; Василиса Премудрая – символ мудрости; Иван (Ваня) – часто крестьянский сын, может быть, и не такой умный и сильный поначалу, но способный добиться исполнения своей мечты.

Народные сказки и их персонажи порождаются в определённых социально-культурных и исторических условиях. И выявление оснований культурных коннотаций персонажей (проявление национального характера, вероисповедание и менталитет русского народа) имеет важное значение для дальнейшего анализа их образов и содержания сказок.

Н. Бердяев в книге «Русская идея» всесторонне и аргументированно описывал противоречивость русского характера [15, с. 6-7.] Эта самая противоречивость – одна из наиболее ярких черт русского национального характера. Множество факторов оказали влияние на изменчивый, сложный характер русского народа. Большинство сказочных персонажей нельзя охарактеризовать как абсолютно хорошие или абсолютно плохие, их характер и поведение могут меняться в зависимости от развития сюжета. Мы уже отмечали противоречивость поведения Ивана. Удивительно, но малосовместимые стороны Ивана гармонично существуют в нём, как в реальном человеке.

Та же противоречивость проявляется и в характере Яги. Я. Пропп, анализируя персонаж Бабы-Яги, отмечал, что её форма «дарительница» не вписывается в привычный для восприятия народом отрицательный образ. [6, с. 36] В большинстве случаев старуха создаёт героям различные трудности, но в некоторых ситуациях, если герой сталкивается с трудностями, Баба-Яга может оказать ему помощь – помочь советом, подарить волшебные предметы (клубок, коня и пр.).

Противоречивость образов сказочных персонажей, близкая и понятная русскому человеку, приводит к тому, что положительные герои не всегда действуют последовательно и способны продолжать двигаться к цели лишь при поддержке других персонажей, тогда как отрицательные герои не проявляются исключительно негативно — в отдельных случаях их поведение согласуется с действиями главных героев, помогая тем выполнять трудные задания. Национальный характер, будучи весомым фактором, не существует автономно, а взаимосвязан с другими основаниями и факторами, которые генетически участвуют в формировании номинации и образов персонажей в национальной культуре. Не следует также недооценивать влияние на персонажей народных сказок национальной психологии, тесно связанной с русской национальной спецификой, с менталитетом. Именно менталитет, как его толкует «Большой толковый словарь русского языка»

[16], аккумулирует и транслирует духовные установки, культурные традиции, создающие систему миропознания, мировосприятия и мироотношения человека в качестве представителя национальной культуры. В русском менталитете также присутствуют и иррациональные тенденции, что не может не сказываться на особенном отношении русских людей к судьбе, загадочным событиям и предметам. Зачастую номинация персонажей является ключом к пониманию предсказуемости/непредсказуемости их пути – например, Иван Несчастный, Иван Бессчастный, Кощей Бессмертный.

В истории России были много сложных моментов, с которыми русскому народу удавалось справляться. Именно поэтому в менталитете русского народа сохраняются упорство в преодолении трудностей и твёрдость к невзгодам, а в номинациях сказочных персонажей – преобразование от «Иван-дурака» к «Ивану-Царевичу».

История обретения русским народом своей религии терниста и сложна: от поклонения природе до признания единосущного Бога-Создателя, пытавшегося через своего Бога-Сына породить в русском человеке непрерывное стремление к лучшим нравственным качествам. Эта трансформация духовного становления также определённым образом находит отражение в номинации мифических персонажей русских народных сказок.

В период господства язычества чудесными воплощениями божеств в глазах славянских народов были явления природы — солнце, луна, звёзды, лес, вода (море, река), животные, птицы. В народных сказаниях герой в трудные минуты испытаний обращается к этим силам, получая от них поддержку и помощь (морской царь, русалки, лешие и пр.). Лес в волшебных сказках — это событийное пространство, населённое как добрыми, так и отрицательными персонажами. Лес Яги и Кощея — это густой, таинственный и тёмный, он словно барьер, замедляющий ход сказочных событий. Персонажи из языческого леса вызывают страх и трепет, потому что связаны одновременно с миром бытия и миром ирреальным. Внешность у них не может быть обычной: например, номинация «Баба Яга, костяная нога» отражает поверье славян-язычников о том, что человеку можно навредить, используя его следы. Ради безопасности у Бабы-Яги есть только одна нога — костяная, не оставляющая следов, либо Яга передвигается по воздуху, в ступе. Образ Кощея связан с множеством аспектов природы: водой (море), землёй (остров), растениями (дуб), животными (заяц) и птицами (утка) — все эти элементы земной жизни содержат в себе тайну смерти Кощея.

С приходом на Русь христианства («христианство» с греч. яз. — «мессианство») в самосознании русского народа закрепятся такие духовно-нравственные идеалы, как соборность, жертвенность, безусловная доброта.

Они найдут своё отражение в русских народных сказках – в поведении, поступках и именах героев, взятых из церковного календаря (святцев).

Имя Иван сохранит свою популярность, поскольку имеет тесные связи не только с язычеством, но и с христианством («Иоханан» — с евр. яз. «Яхве сжалился»; Иоанн Креститель). Специфичность характера Ивана сохраняется: он никогда не поступает, руководствуясь злом, он никогда не вредит другим. Иногда его странные поступки связывает именно с его чистотой души. Идентификация персонажа «в стиле Ивана», именуемая как номинация «Иван-царевич», также связан с христианством: в христианстве царь — помазанник Бога; Иван-царевич, как сын царя, всегда должен быть лучшим — сильным, смелым, ловким, умным.

Соборность как важная духовная концепция в истории и культуре России также находит отражение в русских народных сказках, выполняющих глубокое воспитательное значение. В преданиях соборность чётко противопоставляется эгоизму: совместный общинный труд — священное дело, обязательно заканчивающееся праздником с хороводами и танцами. Сказочный герой часто достигает цели не в одиночку, а объединившись с другими, откликнувшимися на его благородство. Соборность подчёркивает ценность отдельного человека в свободном осознанном единении с другими.

Таким образом, в народных сказаниях закрепляется религиозно-этическая парадигма русской общности, в которой сострадание выступает основным двигателем благородных поступков и деяний. Сохранность духовных ценностей реализует воспитательную функцию русских народных сказок, где вечная истина о том, что добро побеждает зло, подтверждается действиями фольклорных персонажей.

Заключение

Применение историко- и лингвокультурного подхода к анализу номинации мифических (положительных и отрицательных) персонажей в русских народных сказках позволяет сделать выводы о том, что такие внешние явления, как русский национальный характер, самосознание (менталитет) народа, исторические и религиозные факторы, безусловно, влияют на культурную коннотацию имён героев русских народных сказок и на соответствующие сюжетные линии. Также и в обратную сторону: осмысление и транслирование типовых черт сказочных народных образов, их номинаций, алгоритмов поведения и мироотношения – важная часть культурно маркированных установок и знаний, способ вербализации национальных стереотипов и их усвоения в качестве элементов национальной картины мира представителями русской лингвокультурологической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленц Ф. Образный язык народных сказок. 2-е издание. М.: evidents, 1999. 328 с.
2. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1989. URL: <https://vdahl.ru/> (Дата обращения: 30.08.2025).
3. Василиса Прекрасная: русская народная сказка. URL: <https://books.yandex.ru/books/p6esR5wr/read-online> (Дата обращения: 01.09.2025)
4. Шукшин В.М. Земляки. М.: Советская Россия, 1970. 208 с.
5. Потехина А.А. О мифологическом значении некоторых обрядов и поверий // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. Г. 2 (Баба-Яга). М., 1865. С. 85-232.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 335 с.
7. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 с.
8. Хань Дань. Исследование над прецедентными именами в русской и китайской народной сказке: магистерская диссертация. Харбинский педагогический университет, 2016. 76 с. (韩丹. 俄汉民间童话先例名对比研究. 哈尔滨师范大学, 2016 年, 76页)
9. Лингвострановедческий словарь «Россия». URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title> (дата обращения: 03.09.2025).
10. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 259 с.
11. Добровольская В.Е. Баба-Яга: к вопросу об исконной природе и возможной эволюции персонажа // Образный мир традиционной культуры. Сб. статей. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2010. 352 с.
12. Пушкин А.С. Руслан и Людмила: Поэма, 1817-1820 / Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. Поэмы. Сказки. Л.: Наука. 1977. 459 с.
13. Лукина А.С. Народно-поэтические истоки образа Кощея Бессмертного в романе А. Ф. Вельмана «Кощей Бессмертный. Былина старого времени» // Русистика без границ. Чебоксары, 2018. С. 108-112.
14. Чжан Цзыжуй. Исследование номинации мифических персонажей в русских волшебных сказках // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С. 453-458.
15. Бердяев Н. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж: YMCA-PRESS. 1971. С. 6-7.
16. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авт. ред., 2000. 1536 с. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 03.09.2025).

© Чжан Цзыжуй (18800132860@163.com), Цзоу Тяньци (tianqizou@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»